Автор: Оргкомитет
16.05.2013 02:12

1 место

ШИРИМОВА Елена , Одинцово (Россия) . "Надмосковье"

БЕЛОРУССКИЙ ВОКЗАЛ

У электричек на вокзале
В субботу около восьми
Бездомный с ясными глазами
Мне шоколад совал: "Возьми".

И чужд его фигуре грузной,
Нелепым ярким лоскутком
Краснел в ладони заскорузлой
"Рот-фронт с дроблёным фундуком".

Сидел, наверное, в подвале,
Куря и кашляя в дыму,
Но в праздник много подавали,
Вот подфартило и ему.

Возликовал: дела пошли ведь!
Ходил, кривя улыбкой рот,
Искал, кого бы осчастливить,

Кому отсыпать от щедрот.

Шапчонку на уши приладив,
С торчащей ватой из заплат
Он был отнюдь не в шоколаде,
Всем расточая шоколад.

Картинно, жестами транжиры
В народ протягивал клешню,
Но разбегались пассажиры
И уводили малышню.

Ну правда, где его обитель?
Барак, помойка, крысы, вши...
Едва не плакал: "Не обидьте,
Я ж на свои, я от души!"

Она сверкала вроде слитка
Среди житейского гнилья –
Его надтреснутая плитка
Ценою в тридцать два рубля.

Пальто обтёрханное в складку,
На левой кисти купола...
Бомж предлагал мне шоколадку
На Белорусском. Я взяла.

2 место

АНИКИНА Ольга, Сергиев Посад (Россия). «Напротив высоты»

Возвращение

1.

За оградой — пырей,
выцветающей зелени шёлк.
У раскрытых дверей
ждут того, кто отсюда ушёл,

И цветёт резеда,
и туман вдоль заросшей межи...
Ты ушёл навсегда,
потому что вернулся чужим.

Окна смотрят насквозь,
проржавевшие ставни скрипят.
Вы состарились врозь,
дом ослеп и не видит тебя,

и глядит в пустоту,
обречённый, бессильный, больной.
И колодец в саду
колокольной гудит глубиной,

и вздыхает вода,
и над ней ты стоишь, существо.
И твоя правота
здесь не значит уже ничего.

Вот ограды литьё,
и вокруг — только сныть да пырей...

...Тонкий локоть её
отпусти, отпусти поскорей.

2. Церковь в Хомяково

В Хомяково маленькая церковь
над дорогой, выгнутой губой.
Золотая крепится плацента
к стенке неба, тонкой, голубой.

И, по-птичьи поджимая руки,
молча, чтобы слова не сронить,
хомяковские бредут старухи
бабку Евдокию хоронить.

А слыла когда-то Евдокия
горькою зазнобою села,
той, что трёх мужей в сороковые
у односельчанок увела.

Кто живой – об этом не помянет,
а иным теперь ответ другой.
Топчутся у церковки селяне,
над дорогой, выгнутой губой.

Дремлет небо в кучевом окладе.
Всё, что тлен – то обратится в тлен.

Лишь качнётся колокол, как платье
у округлых девичьих колен.

3.

...Ты запрокинешь голову едва,
и лёгкой аркой в небе над тобою
сомкнутся — полусонная трава
и жёлтые головки зверобоя.

И ты лежишь напротив высоты,
как будто — пройден путь и долг оплачен,

и в облаках качаются цветы,
и по тебе
никто уже не плачет.

3 место

ЮДОВСКИЙ Михаил, Франкенталь (Германия). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"

Брейгель

В непросторных, но жарко натопленных хижинах,
Где уютный огонь, подружившись с камином,
Процарапывал контур фигур обездвиженных
На расплывшемся сумраке нежным кармином,
И от скуки заигрывал с утварью кухонной,
И крахмальную скатерть поглаживал робко,
И бока щекотал котелку меднобрюхому,
Где, ворочаясь сонно, ворчала похлебка –
В этих хижинах всё, от краев подлокотника
До проема окна с неприкрытою ставней,
Ожидало, застыв, возвращенья охотника,
Что ушел за добычей. А, может быть, стал ей.

Времена осыпались, белели и снежили,
Восхвалялись землей, небесами радели
И казались куда благодатнее, нежели
В неприглядной жестокости были на деле,
Разоряли дотла непокорные вотчины,
Малевали свой лик на священных иконах
И по снегу прошлись отпечатками волчьими,
Расписавшись в не менее волчьих законах.

В молчаливом лесу, где январское зодчество
Обнажает борьбу между светом и тенью,
Понимаешь, насколько сродни одиночество
Осознанью, бесстрашью и благословенью.
Забываются те, для кого ты стараешься
И по снегу шагаешь с заточенной жердью,
Словно ею черту провести собираешься
Между собственной жизнью и чьею-то смертью.
Вечный голод и холод роднят тебя с городом
И на этой дороге, суровой и длинной,
То представишь лису на плаще твоем воротом,
То оленя тушенной в котле олениной.

Из-за дальних холмов надвигаются сумерки,
Проникая под сердце зимою и тьмою.
Возвращаться с пустою охотничьей сумкою
Всё равно что по свету скитаться с сумою.
Ты спускаешься долу, следами уродуя
Этот снежный покров, этот саван Господен,
Из пустынного мира с жестокой свободою
В обитаемый мир, где никто не свободен.
Поднимаются хижины бурыми пятнами
Валит дым из трубы с величавою спесью.

И неясно, под кровлю вернуться обратно ли
Или мимо пройти и шагнуть в поднебесье.

4 место

ДЫНКИН Михаил , Ашдод (Израиль) . "Три стихотворения"

* * *

эти двое сидят и молчат
вероятно, обрушился чат
и помехи во внутреннем скайпе...

бузина за оградой бузит
да стихающий ветер скользит
поснимав с одуванчиков скальпы

эти двое, они для чего?
на подставке его плечевой
потускнело последнее солнце

а в ладонях прозрачных её
то трепещет ночной мотылёк
то ожившая кукла качнётся

подбоченится, топнет ногой...
эти двое въезжают в огонь
Зодиака на стульях горбатых

реквизит превращается в пыль
бутафор с полстакана поплыл
пошумел и подался в солдаты

я, придумаший этих двоих
покурю и исчезну вдали
там, где облако в тапочках белых

кружит по небу, став на носки
да уходят под воду мостки
оттолкнув проседающий берег

5 место

ШИРЧКОВ Сергей , Нижний Новгород (Россия) . "Город рифмует сам"

ТАКСИСТ

Таксист устал, таксист боится пробок,
он для седана явно полноват.
Ему плевать, что он со мной бок о бок
проносится на жёлтый прямо в ад,
потом срезает, вязнет в снежной пашне,
буксует, поминает всех подряд,
пеняет – мол, ползём по-черепашьи,
а там заказы важные горят.
Он якобы везёт меня короткой,
а сам дерёт три шкуры за расход,
за «много ям», за то, что пахнет водкой,
за то, что он не пьёт четвёртый год.
А мне-то что…
на это есть диспетчер,
у них идут какие-то торги,
мы все нужны друг другу в этот вечер,
мы все друг другу вынесли мозги.
Прощаемся мы сдержанно и сухо
и чем-то напоследок дорожим.

Ну и кино! Чуть не угробил, сука,
а не могу назвать его чужим.

6 место

СПАРБЕР Александр , Москва (Россия) . "Другая жизнь"

Уитмен

…И ребенок спросил: что такое трава?
взрослый или младенец, жива иль мертва?
Я ответил ему: я спешу, мы спешим,
наши души – в приборных панелях машин,
а тела наши жить успевают едва –
ну откуда мне знать, что такое трава?

…Говорят, что однажды, не знаю, когда –
разозлится на город большая вода,
и появятся женщины цвета воды,
на асфальте ночном оставляя следы,
и тогда – молодые, в летах, старики –
мы войдём в ледяные объятья реки.

По следам, по следам, выбиваясь из сил,
погружаясь до бёдер в коричневый ил,
будем молча брести много дней, много лет,
до тех пор, пока снова не выйдем на свет –
в том краю, где ни войн, ни болезней, ни ран,
в том краю, где впадает река - в океан.

и когда мы туда доползём, добредём –
то мы станем водой, и мы станем дождём,
превратимся в траву, но сперва, но сперва
наконец-то поймём, что такое трава.

7 место

АКИМОВ Геннадий , Курск (Россия) . "Вавилонская дорога"

ПЕРЕХОД

Переход происходит быстро: открывается грот в стене,
вылетают из мрака искры, тает комната, словно снег,
выступает из мрака Кора, расцветают гранат и тис,

поджигая покой, как порох, козлоногий идёт флейтист,
ртуть рассыпана, час исчислен, меч срывается с волоска,
и последние гаснут мысли... полночь высится, цель близка,
воспаряет душа - жар-птица, и не знает теперь преград,
в небе - зарево, в сердце - спица,
на полу - больничный халат...

8 место

ЛЕМАРА, Симферополь (Украина). "Сны тринадцатого месяца"

Яблоки и семь лет в портфеле

Теперь не к небу тянешься - к земле,
выкапываешь детство из песочниц,
кладёшь в портфель осенние семь лет,
нехитрый завтрак – несколько галет
и яблоко.
Одно из самых сочных.
Его, конечно, выпросит сосед,
«ну-дай-кин», рыжий двоечник Виталька.
Теперь он «где-то», и, наверно, сед,
женат, сынат, откормлен, приодет,
и крутит – дай-то Бог! – свои педальки.

Идёшь по снегу – хочется в траву
упасть, и скинуть обувь, шубу… возраст.
В глухом пространстве слышится «а-у!»…

ни яблок, ни песочниц… наяву -
отчаянный до боли детский возглас.

9 место

ФЕЛЬДМАН Елена, Иваново (Россия). "Триптих земли"

Рождение

Я прорастаю маковым зерном,
Лимонной костью, виноградным усом,
И ты подносишь мне кувшин с вином –
Бессонный волхв с легчайшим в мире грузом.

Я возвращаюсь из небытия,

Из сладкого густого чернозема,
Обратно в лучший мир – где ты и я,
Где свет в окне, и тополь выше дома.

Прими меня, как в самый первый май,
Дай телу жар и жадное дыханье,
И до утра – держи, не отпускай,
Не позволяй любому расстоянью

Зеленоглазой змейкой проскользнуть
Между сердец, ладоней, лбов горячих.
Сплети мне новый, крепкий, ладный путь –
Взамен туманов и болот незрячих.

Роса кропит полынь и зверобой,
Рассвет идет, травы не задевая,
И ты со мной – ликующий, живой,
И я с тобой – счастливая, живая.

10 место

ЛУКШТ Игорь , Москва (Россия) . "Чарка на посох"

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы…
Густые снега заметают округу -
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покатый с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, -
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,
нам с детства дарована тёплая доля -
петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом…
Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова -

кого же ты в хоженье славишь своём?

“Влекома любовью и болью, по ком
рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится…
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданы никем,
под небом высоким угрюмой отчизны
по градам и весям, от детства до тризны,
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром…
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке”…

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещенье. Крепчает январская стужа -
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка, в смятенье и хладе,
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горние крохи ей клюв серебрят.